

ностный характер, могут быть ошибочны и должны быть приняты с учетом правовых и этических норм, регулирующих использование ИИ, включая вопросы защиты данных, соблюдения прав человека в различных областях его жизни, именно поэтому за действиями ИИ требуется постоянный контроль со стороны человека.

В заключение следует отметить, что вопрос применения ИИ в юридической науке и практике не стоит. Положительный ответ на него уже получен эффективным применением ИИ при решении ряда юридических задач, спектр которых в будущем будет только существенно пополняться.

Сивицкий Владимир Александрович,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Санкт-Петербургского филиала
НИУ ВШЭ

О роли правовой науки в систематизации законодательства

Говоря о систематизации законодательства, ее чаще всего понимают как упорядочение и совершенствование действующего нормативно-правового материала путем его обработки и изложения по определенной системе в виде сборников актов или в форме сводных кодификационных актов¹; объединение отдельных нормативных установлений в единую, внутренне согласованную систему²; целенаправленное упорядочение форм выражения права, осуществляемое с целью устранения несогласованностей между нормами права, очистки правовой системы от устаревших правовых норм и установления новых норм, соответствующих достигнутому уровню развития общества³; упорядочение действующих законов, всех нормативных актов, приведение юридических норм в упорядоченную, согласованную систему⁴. Уже сам характер этого вида деятельности в сфере юриспруденции ориентирует на то, что без вовлечения в нее юридической науки (а точнее, ее представителей) не обойтись.

Каковы же сферы применения научного потенциала в решении вопроса о систематизации законодательства?

Прежде всего, безусловно, теоретическая проработка этого вопроса. Проблемы систематизации исследовались в работах С. Н. Братуся, И. Л. Брауде, А. Н. Иодковского, Д. А. Керимова, М. Г. Кириченко, А. И. Лукьянова, А. В. Мицкевича, А. С. Пиголкина, С. В. Полениной, Т. Н. Рахманиной, И. С. Самощенко, А. С. Соминского, Ю. А. Тихомирова, А. А. Ушакова, А. Ф. Шибанова и других ученых.

В отечественной юридической науке всплеск научного интереса к проблемам систематизации заметен во второй половине 50–60-х годов. В этот период ряд юридических научных учреждений и вузов выпускали сборники научных трудов по вопросам кодификации, вышел ряд монографий, в которых давался теоретический анализ проблем систематизации, был опубликован ряд статей по этому вопросу. В 1962 году вышли работы «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства» (под ред. А. Н. Мишутина) и «Кодификация и законодательная техника» (Д. А. Керимов), в 1968 — «Развитие кодификации советского законодательства» (отв. ред. С. Н. Братусь), в 1969 — «Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства» (под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко). В этих, а также некоторых других работах дается теоретический анализ проблем систематизации, вносятся предложения по порядку ее осуществления.

В 1981 году вышла в свет работа «Свод законов Советского государства: теоретические проблемы» (отв. ред. И. С. Самощенко). Научный интерес к проблеме совершенствования законодательства актуализировался в конце 80-х — начале 90-х годов. Эта проблема обсуждалась в научных кругах, затрагивалась в выступлениях видных ученых и практиков в печати.

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / отв. ред. Е. А. Лукашева. Москва, 1973.

² См.: Основы теории государства и права / под общ. ред. Н. Г. Александрова. Москва, 1960. С. 399.

³ См.: Общая теория государства и права: в 2 т. / под ред. В. С. Петрова, Л. С. Явича. Москва, 1974. Т. 2. С. 285.

⁴ См.: Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. Москва, 1994. С. 125.

В 2003 году под редакцией А. С. Пиголкина вышла книга «Систематизация законодательства в Российской Федерации», в которой развиваются и приумножаются наработки советских и российских ученых в этой сфере.

Таким образом, можно констатировать наличие в отечественной юридической науке такого сегмента, как наука о систематизации законодательства. Причем ее сложно отнести к конкретной отрасли науки. Помимо теории государства и права, к которой она, безусловно, тяготеет, в ней имеется существенный государственно-правовой (конституционно-правовой) элемент, так как вопросы систематизации тесно пересекаются с вопросами законотворческой деятельности. А также нельзя отрицать ее проникновение в иные отрасли юридической науки, так как постоянно затрагивались особенности систематизации в различных отраслях права. То есть тот сегмент, который можно условно назвать «наукой о систематизации», носит во многом межотраслевой характер.

Теоретическая проработка вопросов систематизации должна, естественно, получать практический выход. Необходимо отметить, что и ряд перечисленных научных трудов были, по сути, научным сопровождением осуществлявшейся в соответствующий период времени практической деятельности по систематизации.

Необходимость участия ученых в правотворческой работе является общепризнанной. Причем «участие ученых-юристов должно состоять не только в обсуждении уже готового проекта... а главным образом в подготовительных работах по созданию проекта»¹. Сказанное в полной мере относится не только к проектам отдельных правовых актов, но и к проектам систематизации законодательства.

Высокая квалификация — основная, но не единственная причина необходимости привлечения ученых к процессу систематизации. Также имеет большое значение их независимость, способность самостоятельно, не будучи связанными какими-либо ведомственными интересами, провести соответствующую аналитическую работу или оценить ее результат. Важен и фактор «преодоления рутины»: систематизация требует высокой концентрации творческих усилий, а любой орган власти загружен текущей работой, и поэтому выделить необходимый кадровый ресурс для решения такой некаждодневной задачи может быть проблематично.

Как представляется, участие науки в систематизации начинается на самом раннем этапе — в решении вопроса о ее необходимости. В этой связи можно вспомнить спор между профессорами Тибо и Савиньи, известный как «кодификационный спор». Спор был вызван предложением Тибо о создании общегерманского кодекса гражданского права (Германия тогда не была единым государством). Савиньи же выступил против идеи Тибо: он утверждал, что в основе права лежат исторически сформировавшиеся обычаи и традиции, составляющие «народный дух» права, и законодательные проекты не должны и не могут ломать сложившуюся систему регулирования. Этот спор (позиция Савиньи в нем) во многом сформировал историческую школу права².

Данный пример наглядно демонстрирует, какой глубокий концептуальный уровень может иметь позиция ученого по вопросу о необходимости систематизации — даже породить новую школу права. И уровень обсуждения такого вопроса может перерасти сугубо правовой и приобретать философско-правовой характер.

Но и для сугубо юридической материи в таком споре есть место. Так, в одной из упомянутых выше работ, относящейся к началу текущего века, применительно к перспективам систематизации в России с сожалением отмечается, что «в условиях модификации, революционного преобразования правовой системы, когда отменяются целые нормативные блоки, регулирующие отживающие, подлежащие существенному реформированию отношения, когда, по сути, дела создается качественно новая общественно-экономическая система, объективно требующая обновленных законов, систематизация законодательства как бы уходит на второй план»³.

Иными словами, важен правильный выбор удачного времени для начала систематизации, чтобы она не была «фальстартом» и не дискредитировала сама себя. А этот выбор во многом зависит от того, рассматривать ли систематизацию как только способ упорядочения существующего

¹ Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). Москва, 1968. С. 43.

² См. подробнее: Савиньи К. Ф. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря, предисл. О. Кутателадзе. Москва: Статут, 2011. С. 10–12; Кресин А. В. Дискуссия исторической и историко-философской школ: вопрос о социальных и компаративных основаниях права и юридической науки // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3. С. 85–102.

³ Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. Москва, 2003. С. 31.

или и как средство развития системы правового регулирования. В свою очередь, приверженность одному из этих методологических подходов влияет на представление о форме и результате систематизации и об организации работы по ней.

При решении вопроса о необходимости систематизации, в том числе применительно к конкретному моменту времени, важна и прогностическая функция правовой науки в смысле способности предвидеть, как осуществление систематизации скажется на состоянии правовой системы не только в краткосрочной, но и в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Так, например, проведенная под руководством Сперанского работа по составлению Полного собрания законов Российской империи в 1830 году и Свода законов Российской империи в 1832 году, безусловно, имела огромное значение. Свод, конечно, перерос форму инкорпорации, ведь определенная содержательная переработка нормативных предписаний имела место¹. Но при том, что на определенном этапе Свод законов, безусловно, был достижением, в последующем он стал в некоторой степени тормозом развития законодательства. Можно предположить, что в отсутствие Свода законов правотворчество, особенно в царствование Александра II, развивалось бы еще более бурно, а инструменты правового регулирования оказались бы более прогрессивными, чем закрепленные в Своде.

Предположим, вопрос о необходимости систематизации решен, и дальше стоит задача определить с конкретной формой систематизации. Альтернативами могут рассматриваться кодификация и инкорпорация, но необходимо отметить, что «водораздел» между ними не является жестким.

Так, Ф. Шебанов утверждал, что «...особой, более высокой и сложной формой инкорпорации можно считать такую форму систематизации нормативных материалов, когда... при составлении сборников действующего законодательства идут на то, чтобы... в некоторых случаях заменить действующий акт или несколько актов по одному и тому же вопросу вследствие их противоречивости, устарелости, разрозненности новым нормативным актом»². И. С. Самощенко и Л. С. Явич также справедливо отмечали, что инкорпорация «не исключает возможности попутных с инкорпорацией и в связи с ней некоторых изменений формы и содержания законодательства компетентными органами по представлению инкорпоратора»³. Составители Свода законов Российской империи в 30-х годах прошлого века, даже будучи связаны предписанием поместить в Свод законы «без всякого изменения в существе их», все равно включили в инкорпорированный нормативный массив новые нормы⁴. П. И. Стучка при составлении Свода законов СССР прямо призывал перейти к коренной переработке законодательства⁵.

Вообще говоря, ценность банальной, не связанной с переработкой нормативного массива инкорпорации сейчас, в век информационных технологий, представляется довольно низкой. Но и у кодификации группы правовых актов по одному предмету в единый акт также есть определенные разумные пределы. В каждом конкретном случае эти пределы надо определять, в том числе исходя из определенных отраслевых особенностей предмета систематизации.

Соответственно, как представляется, задача юридической науки применительно к определению конкретной формы систематизации не может ограничиться линейным выбором между кодификацией и инкорпорацией. По сути, она должна состоять в формировании достаточно определенного представления о модели (схеме) правового регулирования в систематизируемом сегменте законодательства, включающей перечень нормативных правовых актов с предметом регулирования. Естественно, подразумевается, что такая модель (схема) должна составляться, с одной стороны, на основе свойственного научному мышлению представлений об идеале. Однако, с другой стороны, не должен отбрасываться и фактор прагматизма: самая, казалось бы, идеальная схема может оказаться нереализованной, если вступит в коллизию с устоявшимся в правоприменительной практике восприятием системы нормативного правового регулирования в соответствующей сфере.

¹ Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. Москва, 2003. С. 300.

² Шебанов А. Ф. Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией действующего законодательства // Советское государство и право. 1960. № 7. С. 141.

³ Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства. С. 7.

⁴ Там же. С. 36–37.

⁵ Стучка П. И. Революционная кодификация // Революция права. 1929. № 5. С. 18.

При этом если речь идет об инкорпорации, то модель (схема) правового регулирования также предполагает решение вопроса о способе размещения нормативных актов в инкорпорированном материале (предметный, хронологический и т. д.), о наличии и составе указателей в нем (оглавление, алфавитно-предметный указатель и т. д.). Такие вопросы лишь на первый взгляд кажутся техническими, на самом деле они имеют важное значение для удобства пользования результатом систематизации законодательства, то есть, собственно, для реализации одной из ее важнейших задач. И правильное решение этих вопросов вполне могут подсказать ученые, опираясь в том числе на сравнительно-правовые исследования (изучение опыта инкорпорации в других странах), отечественную практику систематизации в Российской империи и Советском Союзе. При этом, имея в виду перспективы размещения результата официальной инкорпорации в электронном виде, традиционные представления о форме инкорпорированного материала должны сочетаться с пониманием возможностей электронного представления соответствующего нормативного массива.

Если же речь идет о кодификации, то, чтобы модель (схема) правового регулирования не носила излишне общий и затруднительный в реализации характер, уже на этой стадии работы должны быть определена структура планируемого кодифицированного акта (по крайней мере, по наиболее крупным элементам структуры), связь с другими актами (например, будут ли некоторые вопросы отсылочно выделены в отдельные нормативные акты, какие акты будут интегрированы в кодифицированный и прекратят свое существование). И здесь, конечно, основное слово должно быть за исследователями соответствующей предметной области (отрасли) права.

Собственно, конечный результат составления модели (схемы) правового регулирования должен состоять в том, чтобы была создана своеобразная «проектная документация» для осуществления систематизации.

На стадии реализации этой «проектной документации» в том случае, когда речь идет о кодификации или об инкорпорации, сопряженной с параллельным изменением нормативных правовых актов (на возможность таковой указывалось выше), содержание роли представителей юридической науки будет в целом аналогичным их обычной возможной роли в процессе разработки и принятия нормативных правовых актов. В том числе с учетом того, что само по себе создание системообразующего для отрасли права кодифицированного акта традиционно сопровождается активным привлечением представителей соответствующей отрасли юридической науки.

В том же редком случае, когда речь может идти о классической инкорпорации нормативных правовых актов (не сопровождающейся их переработкой), усилия привлеченных к этому процессу ученых могут быть сконцентрированы прежде всего на содействии решению спорных и сложных вопросов, возникающих при отборе актов для такой инкорпорации (в частности, по вопросу о том, является ли акт нормативным), а также на определении места нормативного акта в инкорпорированном материале.

Каковы возможные формы участия представителей юридической науки в работе по систематизации законодательства? Как представляется, для обсуждения вопроса о необходимости систематизации достаточно проведения круглых столов, «мозговых штурмов» с их приглашением, не исключено направление просьб письменно представить мнение. Когда же речь заходит об участии в составлении модели (схемы) правового регулирования в систематизируемом сегменте законодательства и тем более о ее реализации, это предполагает достаточно высокую и достаточно регулярную погруженность в процесс в ущерб другим активностям. Поэтому вполне может возникнуть вопрос о компенсации соответствующих усилий, что, с другой стороны, позволяет требовать и результативности участия.

Причем, хотя составление модели (схемы) правового регулирования, в отличие от ее воплощения в жизнь, может быть осуществлено с привлечением сравнительно небольшой группы ученых, важно участие в этом процессе представителей ведущих в соответствующей отрасли права научных школ. Иначе недоумение по поводу того, что мнение ряда из них по столь, как правило, значимому для отрасли вопросу не было даже выслушано, может отвести их от участия в дальнейшей работе по реализации этой модели (схемы), а также привести к формированию и дальнейшей «трансляции» негативной оценки «продукта», созданного без их участия, что может затруднить процесс систематизации. По этой причине, кстати, было бы сомнительным проведение конкурса между научными учреждениями на проведение работы по систематизации: даже если его критерии будут абсолютно справедливыми и прозрачными, все равно останутся недовольные результатами, что может повлечь указанные проблемы.

Соответственно, в вопросе определения состава представителей юридической науки, участвующих в этом процессе, требуется повышенная деликатность. Оптимальным представляется все-таки личное и, возможно, при соответствующей интенсивности трудозатрат, оплачиваемое участие представителей юридической науки, представляющих разные научные школы и авторитетных в соответствующей области, в работе, по крайней мере, над крупными проектами по систематизации. При этом может быть определен оператор такой деятельности, которому будет выделено соответствующее финансирование, но под условие его использования определенным образом, включая критерии формирования соответствующих рабочих групп.

Когда же будет реализовываться масштабный проект по систематизации всего законодательства, не исключено и создание специальной институции. Д. А. Керимов, например, в свое время предлагал создать Управление или Отдел кодификации законодательства Федерального Собрания Российской Федерации¹, Е. В. Колесников — Национальную кодификационную комиссию при Федеральном Собрании². Естественно, в такого рода структуру должны быть включены представители юридической науки. Об эффективности институционализации высокоуровневой экспертной работы свидетельствует, в частности, деятельность Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, созданного Указом Президента Российской Федерации от 5 октября 1999 года № 1338 и включающего как ученых, так и практиков (многие из которых также являются учеными) в сфере частного права.

Скурко Елена Вячеславовна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Института научной информации
по общественным наукам РАН

Постгуманизм в юридических концепциях: «лица» и «вещи» в современном праве

В последнее десятилетие получает развитие теория пост-гуманизма, влияние которой распространяется на множество сфер научного знания и социальной практики: от философии до политической теории, искусства, естественных наук. Проникает ее влияние и в юриспруденцию, и в правовую сферу.

Суть постгуманизма исследователи сводят к тому, что в нем выражается децентрализация доминирующей роли человека в обществе, в отношении природы, а также в научных исследованиях³.

В многообразии концепций пост-гуманизма объединяющей является идея о том, что бинарная логика и методы установления таких бинарных границ, как разделение материи на субъекты и объекты считаются примитивизмом. Собственно, материальные основы, от которых выстраиваются различные постгуманистические концепции, выдвигают принципы своей логики как отдельного вопроса концептуальных дебатов, причем, как правило, в центре внимания оказываются формы власти, которые структурируют жизненные миры человека и «нечеловека» как явления одного порядка, хотя и различающиеся между собой⁴.

Своей задачей постгуманистические концепции и исследования считают необходимость сделать видимыми различия между материальными объектами так, чтобы бросить вызов режимам власти, которые их формируют. То есть постгуманистические подходы как бы создают отправную точку для теории, которая задается вопросом о том, как возникают материальные объекты, как они связаны и как могут действовать, вместо того, чтобы анализировать, например, угрозы для человечества природного или искусственного характера (фактор искусственного интеллекта и цифровизации и т. п.)⁵.

В современном правоведении и юридической практике проникновение влияний концепций постгуманизма можно проследить на базовом уровне: в попытках отказаться от разделения

¹ Керимов Д. А. Законодательная техника. Москва, 1998. С. 97.

² Колесников Е. В. Источники российского конституционного права. Саратов, 1998. С. 58–59.

³ Kaell J. Posthuman Property and Law: Commodification and Control through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence. London, New York: Routledge, 2023. P. 5.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 6.